

— Ни про его замѣтки филологическія, критическія и археологическія?

— Нѣтъ.

— Счастливая!—сухо замѣчает Белинда, направляясь къ дому.

— На твоёмъ мѣстѣ,—рѣзко кричитъ Сара ей вслѣдъ:—я бы разорвала его «отрывки» на такіе мельчайшіе кусочки, что ихъ нельзя было бы даже называть и «отрывками».

Белинда смѣется.

— Но!—восклицаетъ она:—не это дѣло, такъ другое, не все ли равно. Можетъ быть, даже лучше быть заваленной работой какъ я, нежели праздною, какъ ты.

Въ ея тонѣ слышится такая непритворная бодрость, этотъ тонъ такъ развѣтывается отъ мрачной покорности, выражавшейся ею не далѣе какъ вчера, что Сара подозрительно взглядываетъ на сестру.

— У тебя розовый взглядъ на вещи сегодня утромъ,—говоритъ она не безъ сарказма.

Белинда мѣняется въ лицѣ.

— Это отъ погоды,—быстро заявляетъ она.—На меня погода сильно дѣйствуетъ. Помнишь, ты всегда называла меня барометромъ.

Но неужели это только отъ погоды? Неужели погода заставляетъ ее, весело напѣвая, бѣжать по лѣстницѣ къ своему письменному столу и Менандеру? Весна, правда, возбуждаетъ; утро тоже возбуждаетъ; молодость—тоже. Отчего же, слѣдовательно, ей не быть возбужденной? Но эти ли только невинныя возбуждающія средства повліяли на нее? Должно быть, самая походка ея сегодня отличается отъ всегдашней, потому что мужъ поднимаетъ голову, когда она входитъ въ его кабинетъ.

— Вы опоздали,—коротко замѣчаетъ онъ.

— Всего только три минуты,—шутливо отвѣчаетъ Белинда:—я наверстаю ихъ.

Она садится за письменный столъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не допѣть конца пѣсенки, которую распѣвала про себя все время на лѣстницѣ. Даже самая комната, — ненавистная рабочая комната—сегодня, кажется, смотритъ совсѣмъ другой. Обыкновенно въ ней не бываетъ солнца; но сегодня золотистый лучъ его ворвался въ нее и въ немъ прыгаютъ пылинки! Все сегодня расположено кажется прыгать.

Профессоръ во всякомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Онъ не выказываетъ ни малѣйшаго желанія прыгать. Когда онъ диктуетъ, то обыкновенно прохаживается взадъ и впередъ. Она